

—

Слухи о переполохе, устроенном наложницей Лань, быстро разнеслись по всему гарему. Мало кто искренне сочувствовал ей, зато многие злорадствовали.

В этот вечер Сяо Шэн ужинал у недавно пожалованной красавицы Вэнь Жуюй. Еда еще не была подана, и они разговаривали, когда Вэнь Жуюй вдруг улыбнулась, подумав о чем-то.

Улыбка красавицы расцветала, как цветок. Сяо Шэну нравилось смотреть, как улыбаются красавицы; это улучшало его настроение. К тому же, он был в настроении поболтать с красавицей Вэнь, поэтому сказал: «Что тебя так развеселило?»

Прекрасные глаза Вэнь Жуюй мерцали, как водная гладь: «Это всего лишь дворцовые мелочи, Вашему Величеству, боюсь, будет скучно слушать».

Сяо Шэн усмехнулся, его брови слегка нахмурились: «Раз так, то не говори. Я всегда не любил слушать о гаремных делах».

Улыбка госпожи Вэнь застыла на лице, она совершенно не ожидала такого исхода.

Почувствовав, что что-то не так, она тут же убрала улыбку и мягко сказала: «Да, тогда ваша наложница не будет говорить».

Сяо Шэн хмыкнул, настроение оставаться на ночь полностью исчезло, как и желание ужинать здесь.

Сяо Шэн, будучи императором, естественно, не стал бы в этом отношении принуждать себя. Он встал и сказал: «Я возвращаюсь».

Вэнь Жуюй немного испугалась: «Ваше Величество...»

Вэнь Жуюй не имела особого происхождения, она добилась благосклонности исключительно благодаря своей красоте. Она была приемной дочерью Чжан Жочжи, префекта Янчжоу. Несколько дней назад Чжан Жочжи привез свою семью в столицу для отчета, и взял ее с собой.

Она была необыкновенно красива, обладала поразительной внешностью и прекрасно танцевала.

Увидев ее, Сяо Шэн оставил ее во дворце.

В глазах Сяо Шэна, Чжан Жочжи всегда был преданным чиновником, но теперь, похоже, этот преданный чиновник уже не так предан.

Сяо Шэн, чувствуя раздражение, отвернулся и вышел из покоев Вэнь Жуюй. Сев в императорский паланкин, он повернулся к Чан Лэ и сказал: «Узнай, что происходит во внутреннем дворце». Как только он произнес эти слова, он нахмурился: «Разузнай у наложницы Лань. В этом дворце только наложница Лань может так шумно устраивать скандалы, чтобы все об этом знали».

Говоря о наложнице Лань, и вспоминая её характер, у Сяо Шэна сильно болела голова.

Чан Лэ улыбнулся, не осмеливаясь говорить.

Императорский паланкин Сяо Шэна сделал круг в темноте и вернулся во Дворец Цяньмин.

Его гнев не утих, поэтому он немедленно вызвал Ань Цзю: «Иди и узнай, с кем Чжан Жочжи в последнее время общается ближе всего».

Ань Цзю повиновался и ушёл.

Сяо Шэн был немного раздражен; если люди из гарема имели связи с внешними чиновниками, это всегда не радовало. Янчжоу был богатым регионом, и он всегда назначал туда своих доверенных чиновников, это было прибыльное место.

В последние годы Чжан Жочжи хорошо справлялся в Янчжоу, и Сяо Шэн знал, что тот хотел бы остаться на посту в Янчжоу, и у него самого были такие мысли. Теперь, похоже, это дело придется обдумывать более тщательно.

Внутренний дворец всегда был местом, где новости распространялись быстрее всего.

То, что император покинул покои красавицы Вэнь, не поужинав, быстро достигло ушей тех, кто за ней следил.

Гарем был самым спорным местом, где власть, статус и благосклонность всегда были предметом борьбы. Когда красавица Вэнь вошла во дворец, она уже отобрала благосклонность у некоторых, и император открыто благоволил ей, что вызывало зависть.

Теперь, когда она разгневала императора, мало кто жалел ее. Даже императрица, известная своим великодушием и достоинством, услышав об этом, сказала, что красавице Вэнь следовало бы умерить свои капризы.

Но если дела красавицы Вэнь она могла игнорировать, то дела наложницы Лань она не могла

делать вид, что не знает. Император всегда не любил слишком много шума во внутреннем дворце, а наложница Лань была безрассудна и иногда злила императора, даже не подозревая об этом.

Они были сестрами, по сути, единым целым, и Сяо Цзинь и Сяо Шань хорошо ладили, нуждаясь во взаимной поддержке. Если бы наложница Лань потеряла лицо, императрице тоже было бы трудно.

В любом случае, это нельзя было скрыть. Императрица, немного подумав, глубоко вздохнула и отправилась к императору.

Когда императрица пришла, Чан Лэ уже рассказал обо всем, что произошло во Дворце Цзинлань.

Сяо Шэн был несколько озадачен, и его лицо было не очень хорошим по отношению к императрице.

Императрица улыбнулась: «Ваше Величество в плохом настроении?»

Сяо Шэн взглянул на нее и сказал: «Императрица управляет шестью дворцами, неужели не знает, почему я недоволен?»

Он высоко ценил наследного принца Сяо Цзиня, поэтому, хотя императрица не была такой свежей и юной, как новые наложницы, Сяо Шэн относился к ней с большим уважением, чем к другим.

Императрица, стоя там, извинилась за наложницу Лань. Она с беспомощным видом сказала: «Ваше Величество, вы знаете характер наложницы Лань. У неё нет злых намерений, просто она немного прямолинейна, и её слова и поступки не всегда обдуманы. Это и моя вина, я виновата в неисполнении обязанностей».

Сяо Шэн не мог необоснованно злиться на императрицу, поэтому сказал: «Какое это имеет отношение к тебе? На самом деле, характер Сяо Шаня такой же, как у наложницы Лань. Он говорит без всяких опасений, и его действия никогда не обдумываются. Я думаю, это наложница Лань его таким воспитала».

Императрица: «...» Говоря о наложнице Лань, зачем упоминать Сяо Шаня?

Сяо Шань в эти два дня был довольно послушен, не так ли?

Эти слова она могла только подумать про себя, а вслух сказала: «Ваше Величество правы, ваша наложница прикажет наследному принцу больше присматривать за князем Ли».

Сяо Шэн, вспомнив Сяо Цзиня, вздохнул и сказал: «Наследный принц и Сяо Шань родились с разницей всего в час, но их характеры слишком сильно отличаются». Сяо Цзинь действовал рассудительно, и на его фоне Сяо Шань был как невыросший ребенок.

Кто не знал, подумал бы, что у них десять лет разницы.

Разговор дошел до этого момента, и на лице императрицы появилась нескрываемая улыбка: «Раз уж заговорили о наследном принце, у вашей наложницы есть радостная новость, которую нужно сообщить».

Сяо Шэн поднял бровь: «Какая радостная новость?»

Императрица не удержалась, и её глаза наполнились улыбкой. Она сказала: «Тайцзы Фэй* беременна».

[*□□□ Tàizǐ fēi – супруга наследного принца.]

«Правда?» – Сяо Шэн встал.

Императрица с улыбкой кивнула: «Наследный принц и супруга Лю изначально хотели лично сообщить Вашему Величеству, но, подумав, что это не такое уж важное дело и боясь помешать Вашему Величеству в государственных делах, они доложили вашей супруге».

Об этом ей рассказал Сяо Цзинь после того, как она вызвала наложницу Лань. По замыслу Сяо Цзиня, это должно было быть сообщено через пару дней.

Теперь, после инцидента с наложницей Лань, Сяо Цзинь решил использовать эту новость, чтобы отвлечь внимание Сяо Шэна, чтобы он не заикливался на деле наложницы Лань. Императрица сильно отругала наследного принца за это, ведь такое важное дело Сяо Цзинь и Лю Цзинь посмели от нее скрывать.

Сяо Цзинь снова и снова признавал свою ошибку, но императрица все равно была недовольна. Император всегда ждал ребенка от Сяо Цзиня, это был бы законный сын, законный внук. Теперь, когда супруга Лю забеременела, это было огромным счастьем, но его пришлось использовать как щит, чтобы убрать беспорядок, созданный наложницей Лань.

Понятно, что императрица была расстроена.

Сяо Цзинь же утешал ее: «Матушка, истинная радость — это то, что можно использовать в нужный момент».

Что могла сделать императрица? Ей оставалось только убеждать себя в этом.

«Прекрасно!» Сяо Шэн расцвёл от радости, похлопал в ладоши и сказал: «Уже вызывали императорского лекаря для обследования?»

Императрица серьезно кивнула: «Ваша супруга уже приказала императорскому лекарю провести осмотр. Сказали, что прошло уже больше месяца. Наследный принц и супруга Лю молоды, и, чувствуя себя неважно, не подумали об этом, посчитав, что это простуда. К счастью, пригласили императорского лекаря, и только когда они сами не были уверены, доложили вашей наложнице».

«Что могут знать эти дети?» Сяо Шэн взял руку императрицы, погладил её и с улыбкой сказал: «Ты должна больше заботиться об этом, ты должна больше направлять их».

Императрица поняла скрытый смысл этих слов. Она сказала: «Ваше Величество, не беспокойтесь, ваша наложница знает, что делать». Она так долго ждала внука, и если кто-то посмеет вмешаться, ей будет не до вежливости.

Сяо Шэн был искренне рад. Теперь, когда у Сяо Цзиня появился ребенок, это могло заткнуть рты некоторым людям, и его положение наследного принца станет еще более прочным.

После этого события император, проявляя уважение, забыл о скандале, устроенном наложницей Лань.

Спустя ночь, весть о беременности супруги Лю быстро разнеслась по всей столице.

Это событие принесло радость одним семьям и горе другим.

Первый принц Сяо Жун прямо разбил дома набор превосходного фарфора Ланья.

Сяо Шэн ценил законных сыновей. Его две дочери родились от первой супруги, Гу Линлун, а сын — от наложницы. С точки зрения Сяо Жуна, он был словно проклят: он был старшим, но не от законной жены, и его сын тоже был старшим, но от наложницы, обреченным не быть ценным Сяо Шэном.

Гу Линлун, жена Сяо Жуна, увидев это, сказала: «Еще неизвестно, мальчик это или девочка, зачем Ваше Высочество так злится?»

Гу Линлун тоже носила фамилию Гу, но её семья не имела никакого отношения к роду императрицы или семьи наложницы Лань. Её предки, ещё со времён её деда, были простолюдинами. Только Гу Гуан был достаточно бесстыдным, чтобы утверждать, что много лет назад у них был один и тот же предок.

При этом они заявляли, что даже если кто-то из их семьи Гу выйдет замуж за первого принца, то это будет брак, дарованный императором. Перед лицом столичной семьи Гу они ничего не

стоили и держались крайне скромно.

Сяо Жун искоса взглянул на Гу Линлун и сказал: «Я не хочу злиться, но ты дай мне законного сына».

Гу Линлун, услышав это, расстроилась и сказала: «Я тоже хочу родить, но если кто-то опередил меня, что я могу поделать?»

Сяо Жун почувствовал себя подавленным и не смог ничего сказать.

Мрачное настроение Сяо Жуна не могло заглушить радость других.

Гаремные наложницы, как имеющие детей, так и бездетные, отправили подарки супруге Лю, выражая свои поздравления.

Наложница Лань, тем более, тщательно отобрала немало хороших вещей, её манера и искренность были в тысячи раз лучше, чем по отношению к Се Чжую.

Другие, глядя на это, кривили губы.

Но они ничего не могли сказать, наложница Лань была такой: её отношение к людям, хорошее или плохое, всегда было на виду, очень открытым и прямым.

Сяо Шань был очень рад за Сяо Цзиня. За последние два года Сяо Цзинь и супруга Лю находились под некоторым давлением по поводу отсутствия детей.

Теперь все хорошо, Сяо Цзинь и супруга Лю тоже могли вздохнуть с облегчением.

Что касается поступков наложницы Лань, Сяо Шань совершенно не обращал на них внимания. Он боялся, что Се Чжуй расстроится, и специально понаблюдал за ним.

Се Чжуй по этому поводу совсем ничего не думал, нравилась ему наложница Лань или нет, было неважно.

Он вышел замуж за Сяо Шаня, и в некоторых вещах главное было смотреть на Сяо Шаня. Если бы Сяо Шань захотел унижить его, то даже если бы наложница Лань очень любила его, это было бы бесполезно. Если бы Сяо Шань был к нему благосклонен, то даже если бы наложница Лань его ненавидела, она ничего не смогла бы сделать. Со словами Сяо Шаня о том, что не нужно потакать наложнице Лань, он не будет страдать.

К тому же, золото и серебро он вообще не принимал во внимание.

Сяо Шань, видя его таким раскрепощенным, не мог не рассмеяться.

Внимание людей переключилось на Восточный дворец, и число тех, кто следил за поместьем князя Ли, сразу же уменьшилось.

Сяо Шань был совершенно равнодушен к этому.

Они с Се Чжужем жили своей жизнью, никого не беспокоя.

Время летело быстро. По этикету, через три дня после свадьбы он должен был привести Се Чжуя обратно в поместье Се, чтобы поклониться семье Се.

Однако в поместье Се сейчас не было хозяев, и в день визита к родителям они не пошли.

Се Чжуй ничего не выразил по этому поводу, но Сяо Шань держал это в уме. Затем Сяо Шань взял Се Чжуя и отправился в поместье Гу.

В поместье Гу был персиковый сад, где каждый год в это время персики цвели пышнее всего. Поместье Гу рассылало приглашения всем желающим прийти и полюбоваться цветами персика, это называлось Персиковым банкетом.

Сяо Шань не любил такие банкеты, которые под видом любования цветами служили для сватовства мужчин, женщин и гербов. Каждый раз, приходя из вежливости, он задерживался ненадолго, а потом ускользал. В этот раз он хотел просто привести Се Чжуя посмотреть на цветы и развеяться.

Во-вторых, семья Гу была его семьей по материнской линии, и он должен был привести Се Чжуя, чтобы тот познакомился с родственниками.

Однако он не ожидал, что кто-то из семьи Гу окажется слишком заносчив и сам напросится на неприятности перед ним.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282499>